

подписка принимается:

Въ Ташкентѣ.—въ конторѣ редакціи, (пронивъ Окружнаго Штаба, д. Логинова) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шапшиной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

14-го ІЮНЯ

№ 20.

1871 ГОДА.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Двумъ европейскимъ великимъ державамъ принадлежитъ будущность Азіи: Великобританіи и Россіи; эта аксіома до того часто повторялась во всевозможныхъ газетахъ и политическихъ брошюрахъ, что уже сдѣлалась избитою истиною. Англичане медленно, но неудержимо, какъ лава, подвигаются съ юга; русскіе двигаются изъ степей Турана. Гдѣ-то, на историче-

(*) Вотъ почему мы придаемъ большое значеніе зачатку добраго дѣла: устройству въ Самаркандѣ русскими школы для туземцевъ, гдѣ совершенно устранено вліяніе духовенства.

Ред.

скомъ Оксѣ, или можетъ быть у подошвы Гинду-Куша произойдетъ столкновение интересовъ двухъ великихъ націй, столкновение, о которомъ такъ много и съ такимъ безсознательнымъ страхомъ говорятъ англійскія газеты; но—конечно, это событіе еще слишкомъ отдалено отъ насъ; выражаясь метафорически: еще не скованъ тотъ штыкъ, который въ этомъ столкновении найдетъ себѣ кровавую работу. Скажемъ болѣе: нѣтъ даже никакого основанія предполагать, что столкновение, о которомъ мы говорили выше, будетъ непременно враждебнымъ и воинственнымъ.

Мы позже пришли въ Азію; поэтому рассмотримъ внимательно, и не доверяя превосходству своей цивилизаціи передъ закорумльмымъ общественнымъ строемъ туземцевъ, не упиваясь тщеславнымъ самообольщениемъ, посмотримъ: что дѣлаютъ наши европейскіе собратья въ Индіи, какой урокъ даютъ они намъ, конечно—невольнo, сами того не желая.

Мы знаемъ, что англійское владычество въ Индіи легло тяжелымъ гнетомъ; благо европейской цивилизаціи еще не привились къ массѣ туземнаго населенія, которое въ большинствѣ случаевъ непріязненно относится къ этимъ, насильно навязываемымъ ему благамъ. Да и невозможно ожидать, чтобы тотъ изувѣръ-индусъ, который бросается подъ колесницу своего божества, тотъ факиръ, который, ради небеснаго блаженства, предаетъ себя страшнымъ истязаніямъ, та женщина, которая еще недавно охотно была готова сгорѣть на кострѣ, гдѣ лежитъ трупъ ея мужа, — чтобы эти люди безъ жестокой борьбы приняли новый строй, внесенный въ ихъ страну европейцами. Дѣйствительно, мы видимъ въ Индіи вулканъ, готовый ежеминутно начать изверженіе. Возстаніе, съ трудомъ только усмиренное кровью сотни тысячъ людей, доказало, что глубокая ненависть туземцевъ къ пришельцамъ не потухла, но только скрыта была подъ наружной оболочкой довѣрія и покорности новой расѣ и новой администраціи. Совершенно справедливо, что многіе поступки англичанъ разжигаютъ и не даютъ утихнуть этой закоренѣлой ненависти. Англійская раса не отличается мягкостью и уживчивостью характера; она гнетъ и ломаетъ безъ сожалѣнія все то, что ей не по плечу, что стоитъ на дорогѣ и мѣшаетъ ей правильно, методически размыренному ходу. Англичане давятъ народъ—туземцевъ, и сами очень хорошо сознаютъ, что этимъ они готовятъ себѣ сотни тысячъ мстителей въ тотъ ужасный часъ, когда скрытая злоба прорвется наружу. Только весьма немногіе органы англійской прессы убавляютъ себя розовыми мечтами о нравственномъ перерожденіи нынѣшнихъ индусовъ. Такъ напримѣръ, *Times* говоритъ: «проведеніе желѣзныхъ дорогъ, просвѣщеніе народа, дарованіе ему свободы, наконецъ золото,—вотъ тѣ талисманы, которыми мы надѣемся искоренить вѣковую вражду Индіи». Не то думаютъ и не такъ выражаются другія англійскія газеты, не скрывающія, что положеніе англичанъ въ Индіи — далеко не безопасно. Напримѣръ, *Morning Advertiser* говоритъ: «съ нѣкоторыхъ поръ туземная печать въ Индіи такъ свободно стала относиться къ правительству, осуждать его дѣйствія и разбирать положеніе завоевателей—британцевъ, что генераль-губернаторъ нашелся вынужденнымъ запретить всякія печатныя заявленія неудовольствія. Декретъ его въ настоящее время получилъ силу закона и гласитъ слѣдующее: «лицо изустно или письменно, дѣйствіемъ или иначе, старающееся возбудить ненависть къ законному правительству въ Индіи, наказывается изгнаніемъ срочнымъ или пожизненнымъ, пеней, или же трехлѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьму и пеней». — Вотъ, прибавляетъ корреспондентъ, какими средствами англійскіе представители въ Индіи стараются подавить выраженіе самыхъ скромныхъ надеждъ и желаній туземцевъ и въ какое еще время!..»

О социальныхъ же отношеніяхъ побѣдителей къ туземцамъ, тотъ же корреспондентъ пишетъ слѣдующее: «многo грустныхъ примѣровъ можно привести въ доказательство того, какъ дурно англичане всѣхъ сословій обращаются съ индѣйцами. — Мы вѣдь сами разжигаемъ ихъ ненависть къ намъ. За малѣйшую вину (напр. за то, что не свосилъ известнаго количества травы) въ стовые и деньщики въ нашихъ индѣйскихъ арміяхъ, подвергаются ударамъ плетей. За малыми исключеніями, наши офицеры и солдаты почти звѣрски обращаются съ туземной прислугой. Недавно въ одномъ изъ индѣйскихъ журналовъ описано, напримѣръ, слѣдующее происшествіе: помощникъ комиссара и гарнизонный офицеръ прогуливались въ *Vunoo*, гдѣ войска размѣщены по квартирамъ. Для того, чтобы пройти подемъ, они перелѣзли черезъ заборъ, но тутъ были остановлены хозяи-

номъ, выразившимъ неудовольствіе на такое безцеремонное вторженіе. Помощникъ комиссара нашелъ, что со стороны индѣйца это неслыханная дерзость, и ударилъ хозяина палкой прямо въ високъ: тотъ упалъ мертвымъ. Было по этому дѣлу назначено слѣдствіе. Если бы этотъ случай былъ единственный, то онъ не имѣлъ бы такой важности; но—продолжаетъ корреспондентъ, это случается сплошь да рядомъ и отвращаетъ отъ насъ сердца туземцевъ, наполняя ихъ горечью и злобою. Какой же помощи можемъ мы ждать отъ нихъ въ минуту опасности, если сами доводимъ ихъ до отчаянія?» Недавно одинъ индусъ, въ надеждѣ, что приняты будутъ административныя мѣры для предотвращенія этого зла, помѣстилъ также на столбцахъ *Morning Advertiser* свою жалобу на тиранническое и оскорбительное обращеніе чиновниковъ желѣзной дороги съ туземцами.

Не менѣе замѣчательно различіе между англійскими журналами въ мнѣніяхъ о сейкахъ и сѣверозападныхъ племенахъ. Здѣсь уже опасеніе касается Россіи:

Корреспондентъ *Morning Advertiser*, хотя съ трудомъ отрѣшающійся отъ извѣстныхъ предразсудковъ, очень обыкновенныхъ въ Индіи, относительно опасности стычки между Англіей и Россіей, на сѣверной границѣ, обсуждаетъ такимъ образомъ настоящее положеніе сейковъ и магометанъ: «жители южной Индіи, говоритъ онъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о Россіи, но въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ и въ Пенджабѣ отлично извѣстно могущество русскихъ, по торговымъ сношеніямъ съ ними въ Кабуль. На нашемъ рынкѣ въ Пешаверѣ всегда много русскихъ товаровъ, доставленныхъ караванами, и если бы отрядамъ казаковъ вздумалось напасть на насъ со стороны Авганистана, вѣрноподанническая вѣрность индусовъ, особенно сейковъ, подверглась бы сильному испытанію, которое могло бы имѣть роковыя для насъ послѣдствія».

На сколько это опасеніе неосновательно, по крайнѣй мѣрѣ въ настоящее время, мы уже говорили выше; но положеніе, въ которомъ встали англичане относительно туземцевъ въ Индіи, и которое индѣйскіе корреспонденты англійскихъ газетъ рисуютъ такими мрачными красками, дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Прибавимъ, что англичане обращаются такъ не только въ Индіи, но и вездѣ, гдѣ появляются они полными хозяевами въ средѣ туземцевъ. Въ Китаѣ англичанъ ненавидятъ и боятся. Англійскій пароходъ, идя по рѣкѣ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на китайскія джонки, которыя снуютъ по всѣмъ направленіямъ, набѣгаетъ на нихъ и нерѣдко — топить. Правда, человѣческая жизнь въ Китаѣ весьма дешева и такой поступокъ не вызываетъ взрыва негодованія со стороны народа; но все это—до поры, до времени, а между тѣмъ несомнѣнно, что ненависть къ *рыжеволосымъ дьяволамъ*, какъ величаютъ англичанъ сыны Небесной имперіи, не умаляется, а напротивъ, растетъ съ каждымъ годомъ. Тоже самое и въ Индіи, и еще далеко то время, когда цивилизація переродитъ индѣйцевъ, введетъ въ плоть и кровь ихъ новыя понятія и сочувствіе къ дальней Европѣ.

Взглянемъ теперь на наше положеніе въ Средней Азіи.

Мы явились сюда почти неожиданно и для самихъ себя и для туземцевъ; русское движеніе въ глубь Азіи не было рассчитаннымъ, взвѣшеннымъ заранее. Мы шли потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ, потому наконецъ, что если бы мы не выдвинулись на Сырь-Дарью, мы были бы принуждены отступить обратно, къ Уралу. Точно такой же характеръ имѣютъ и позднѣйшія движенія наши къ Ходженту, Джизаку, Яны-кургану и Самарканду. Побѣды генераль-майоровъ: Черняева, Романовскаго и нынѣшняго Главнаго начальника края ввели въ составъ русской территоріи новыя обширныя пространства плодородной, густо населенной земли, отъ Туркестана до Ходжента и Катта-кургана. Мы застали здѣсь своеобразную жизнь, понятія, общественное устройство, поземельныя отношенія, все это, правда, несообразное съ европейскими взглядами и понятіями, но тѣмъ не менѣе—живучее. Этотъ строй, среди котораго мы явились непрошенными цивилизаторами (по взгляду туземцевъ, да такъ оно есть и на самомъ дѣлѣ), этотъ общественный и государственный порядокъ созданъ вѣками, есть непосредственное послѣдствіе вліяній климата, почвы, внѣшней обстановки и множества другихъ физическихъ причинъ, на природу живущаго здѣсь челоѣка. А то, что создано вѣками, что есть непосредственное произведеніе природы, не скоро поддается усиліямъ челоѣка.

Не надобно еще упускать изъ вида и другое обстоятельство: мы пришли въ Сред-

нюю Азію совершенно неподготовленными къ тому. Весьма немногіе русскіе ученые проникали, съ опасностью для своей жизни, въ среднеазіятскія ханства; но и они все не были піонерами русскаго движенія. Списокъ лицъ, посѣтившихъ до 1865 года Бухару, Хиву, Коканъ, Ташкентъ и Кашгаръ—весьма невеликъ и ученые труды ихъ были малоизвѣстны публикѣ. Солидный трудъ Ханыкова: «Описание Бухарскаго ханства» имѣлъ весьма мало читателей, такъ что во всѣхъ книжныхъ магазинахъ сочиненіе это было отодвинуто на самую дальнюю полку, какъ мало требующееся покупщиками и читателями. О трудахъ покойнаго Ч. Ч. Валиханова знали только интересующіеся Средней Азіею, а такихъ было очень немного. Также мало распространены были въ публикѣ и другіе ученые труды по части географіи, исторіи и этнографіи среднеазіятскихъ странъ.... Да что и говорить о ханствахъ Средней Азіи, когда мы плохо знали даже киргизъ, которыхъ приняли въ подданство еще съ 1732 года! Были, правда отдѣльныя личности, интересовавшіеся Киргизскою степью и ея кочевымъ населеніемъ, собравшіе цѣлыя томы богатѣйшихъ матеріаловъ и изслѣдованій; таковъ былъ напр. Генсъ, превосходно изучившій страну. Но его матеріалы—такъ и остались рукописными матеріалами, доступными только для весьма немногихъ. Они послужили исключительно на его личную пользу, дали направление его дѣятельности, но вовсе не были распространены въ массѣ публики. Въ архивахъ Оренбурга, Омска, Семипалатинска скрываются массы другихъ, драгоценнѣйшихъ матеріаловъ о краѣ; но и эти свѣдѣнія въ свое время были прочтены только разными дѣлопроизводителями, начальниками отдѣленій, и т. п., затѣмъ занумерованы, скрѣплены по листамъ, подшиты въ разныя дѣла и съ спокойной совѣстью сданы въ архивъ. Мертвящій бюрократическій порядокъ загубилъ такимъ образомъ и предалъ въ снѣдь крысамъ много свѣдѣній, матеріаловъ и изслѣдованій о нашей азіатской окраинѣ и населяющихъ ее народахъ, точно будто собираемыя свѣдѣнія и изслѣдованія необходимы были только для одного какого нибудь дѣлопроизводителя N N или правителя канцеляріи Z Z, а не для всей администраціи, не для всего наступающаго впередъ, въ глубь Азіи русскаго народа.

Такъ явились русскіе въ Среднюю Азію неподготовленные, не изучившіе предварительно страну. Пришлось изучать ее на мѣстѣ, и даже мало того: изучать, работая въ тоже время штыкомъ. Какъ ни странно звучитъ эта фраза, но въ сущности она совершенно справедлива. Оттого мы видимъ ученыхъ экспедиціи, окончивающіяся перестрѣлками и штурмомъ разныхъ высотъ.

Начавъ изучать страну и народъ, мы, само собою разумѣется, не могли достигнуть этого вдругъ, и нерѣдко впадали въ промахи, увлекались на ложный путь. Покорившіеся туземцы, не видя возможности дѣйствовать силою противъ пришельцевъ, стали измышлять средства, чтобы, подъ видомъ наружной покорности и спокойствія, эксплуатировать своихъ побѣдителей. Прежде всего, конечно, нашли къ тому возможность и воспользовались ею лица, поставленные во главѣ туземнаго управленія; явились различныя злоупотребленія членовъ хозяйственныхъ управленій, аксакаловъ, казиевъ, аминей, амлякдаровъ, и т. д., вызвавшія мысль о необходимости замѣны туземныхъ порядковъ другими, болѣе привычными намъ порядками.

Въ какія же отношенія къ русскимъ пришельцамъ встала остальная масса туземнаго населенія Средней Азіи? Оптимисты увѣряютъ, что народъ понялъ дарованный ему благодѣянія мира и свободы и оттого сдѣлался чуть не идиллически кротокъ; по ихъ мнѣнію, превосходство нашей цивилизаціи слишкомъ явно для того, чтобы не броситься въ глаза даже и азіатцу. Пессимисты говорятъ напротивъ, что мы, избавивъ народъ отъ гнета и деспотизма его прежнихъ правителей, внесли въ край другое зло: мертвящее бюрократическое начало, съ которымъ мы никогда здѣсь прочно не усядемся, а еще долго будемъ держаться только штыками. «Отъ одного прилива русскихъ людей, съ русскими понятіями жизнь туземцевъ сама должна была бы измѣниться, а не отъ введенія въ край бюрократическихъ формъ, не посредствомъ вліянія бумаги и чернилъ. Показавъ видъ, что мы хотимъ коснуться жизни народной, того, что создалось вѣками, мы тѣмъ самымъ возбудили силу инерціи въ туземцахъ и оттолкнули ихъ отъ нашей цивилизаціи. Мы показали имъ смѣшными и нравственное значеніе наше потеряно, а безъ него—немыслима ассимиляція.»

Мы полагаемъ, что какъ тѣ, такъ и другіе—одиозное право и неправы. Ко-

нечно, нельзя думать, что русская цивилизація будетъ имѣть сразу замѣтное вліяніе на массу туземнаго населенія; но то, что не можетъ быть достигнуто въ пять—шесть лѣтъ, будетъ непременно достигнуто въ болѣе продолжительный промежутокъ времени. Нужно только настойчивое, систематическое преслѣдованіе цѣли, а не игра въ жмурки, на удачу: поймашь—не поймашь! Дѣйствительно, отъ прилива русскихъ людей, съ новыми понятіями, жизнь туземцевъ должна была бы исподволь измѣниться; но для этого надобно прежде всего, чтобы масса русскихъ пришельцевъ была значительна, затѣмъ, чтобы они не держались тѣсною кучкой, а прямо слились бы съ туземнымъ народомъ, вошли въ его жизнь, обобщили интересы обѣихъ народностей, но твердо и неподдатливо сохраняли бы свои народныя особенности, гордились ими, не относясь въ тоже время съ обиднымъ пренебреженіемъ къ чуждымъ туземнымъ обычаямъ. А этого у насъ нѣтъ, этой живучести народнаго характера; никто не въ состояніи такъ осартиться, окиргизиться, онѣмечиться, какъ русскій чело-вѣкъ. Онъ можетъ дѣйствовать только массою, совокупно, и то подъ вліяніемъ и при инициативѣ администраціи, которая, повторимъ опять, должна по этому самому выработать себѣ систему управленія краемъ, систему, основанную, конечно, не на фантазіяхъ, не на теоретическихъ выводахъ, а на всестороннемъ изученіи страны и народа и ихъ физическихъ и расовыхъ особенностей.

Говоря объ изученіи края, прежде всего скажемъ о весьма рѣзкомъ, бросающемся въ глаза фактѣ: о той незначительной роли, которую играетъ печатный станокъ при нашемъ канцелярскомъ, рутинномъ образомъ ведущемся порядкѣ дѣлопроизводства во всевозможныхъ присутственных мѣстахъ. Мы не касаемся сущности канцелярскаго дѣла, не подкапываемся ни подъ какіе канцелярскіе порядки. Пусть они процвѣтаютъ въ различныхъ присутственных мѣстахъ! Но невольно поражаетъ та рознь, та единичная, не имѣющая никакой общей связи работа, которою задаются наши присутственные мѣста. Точно будто одному административному мѣсту, или лицу, дѣйствующему въ краѣ, нѣтъ никакой надобности знать: что выработало, къ какимъ результатамъ пришло другое административное мѣсто или лице. О частныхъ же, постороннихъ лицахъ—и говорить нечего! Пусть чело-вѣкъ, не облеченный никакою властью, предъ которымъ не привстаютъ почтительно на стулѣ сидящіе чиновники,—пусть такой простой смертный попробуетъ добиться въ любомъ присутственном мѣстѣ свѣдѣній, интересныхъ въ научномъ или въ житейскомъ отношеніи, или имѣющихъ какое нибудь практическое примѣненіе. Можно смѣло ручаться, что онъ ихъ не получитъ, или если и получитъ, то съ большими затрудненіями, и это вовсе не изъ желанія служащихъ утаивать разныя полезныя свѣдѣнія, а просто, по недосугу. Каждый занятъ своимъ дѣломъ, а тутъ поди—ройся въ шкафахъ, отыскивай ту или другую бумагу, докладъ или донесеніе. Иногда окажется, что бумага взята въ другое отдѣленіе, или необходима для справокъ и соображеній, или еще не подшита къ дѣлу, или просто—служащій не рѣшается до-вѣрять ее постороннему лицу: дескать, еще пожалуй, затеряетъ, а я отвѣчай за нее. Большею же частію постороннія лица, постороннія вѣдомства, даже разныя присутственные мѣста одного и того же вѣдомства и не знаютъ: что творится въ другомъ присутственном мѣстѣ, есть ли тамъ, поступали ли туда какія либо свѣдѣнія, соображенія, отчеты, изысканія и т. п.; могущія служить путеводною нитью для администраціи.

И оказывается такимъ образомъ, что въ общей административной работѣ нѣтъ связи; каждое колесо сложной машины, называемой администраціей, вертится отдѣльно, не задѣвая зубцами своими за шестерни и зубцы другихъ, смежныхъ колесъ. Оттого происходитъ и то прискорбное явленіе, о которомъ мы уже упоминали выше: что въ архивахъ погребаются массы такихъ свѣдѣній, которыя могли бы служить драгоценнымъ пособіемъ для изученія края, его населенія, промышленности, торговли, и проч. и проч. Много ли, мало ли пролежатъ они въ безызвѣстности—одинъ Богъ знаетъ! Выищется наконецъ трудолюбивый изслѣдователь, труженикъ науки, отряхнетъ пыль съ пожелтѣлыхъ листовъ и отпечатаетъ въ какомъ нибудь ученомъ изданіи старинныя свѣдѣнія о какой нибудь странѣ или какомъ нибудь народѣ, точно эти свѣдѣнія гораздо нужнѣе потомкамъ нашимъ, чѣмъ намъ, современникамъ, поставленнымъ, силою обстоятельствъ, въ роли дѣйствующихъ лицъ.

Упрекъ: мы не изучаемъ страну—не

вполнѣ вѣренъ; мы могли бы изучить ее, у насъ есть на то всѣ данныя, но мы мало обращаемъ на нихъ вниманія, не признаемъ ихъ важности или пользуемся ими эгоистически, не дѣлясь ни съ кѣмъ добытыми свѣдѣніями. Оттого и кажется, издали, со стороны, что въ краѣ, хотя бы напри- мѣръ, въ нашемъ Туркестанскомъ краѣ, вовсе, или по крайнѣй мѣрѣ—весьма мало заботятся объ изученіи страны, что въ немъ живутъ преимущественно купцы, чи- новники и военные; изъ нихъ купцы тор- гуютъ, наживая себѣ барыши, чиновники пишутъ разные рапорты и отношенія, а военные ходятъ въ караулы и мечтаютъ объ экспедиціи. Дѣлается ли ими что ни- будь, помимо рапортовъ, и подвиговъ лич- ной храбрости—никому неизвѣстно; это можетъ узнать только тотъ, кто возьметъ на себя трудъ пересмотрѣть въ любомъ архивѣ или присутственномъ мѣстѣ наши, такъ называемыя, «дѣла.»

Если бы административныя учрежденія сознали, что всякое свѣдѣніе, всякая за- писка, донесеніе, разслѣдованіе, (*) имѣ- ющее общій интересъ, должно быть и до- ведено до общаго свѣдѣнія; тогда бы мы больше знали страну и народъ, знали бы какъ оріентироваться, и конечно, админи- страція могла бы отъ этого только вы- играть. Мы полагаемъ, что не было бы ни- какого затрудненія постановить общимъ правиломъ: что всѣ свѣдѣнія, о которыхъ мы говорили выше, должны быть опубли- кованы, отпечатаны отдѣльно, листками, въ формѣ брошюръ, и разосланы во всѣ присутственныя мѣста, для свѣдѣнія и со- ображеній въ случаѣ надобности. Пусть отдѣльные экземпляры такихъ, отпечатан- ныхъ свѣдѣній хранятся въ библіотечномъ шкафу, въ одной изъ комнатъ присутствен- наго мѣста, и тогда каждый, желающій получить какое либо свѣдѣніе, можетъ безъ труда получить его. Не погибала бы тог- да бесполезно масса свѣдѣній этнографи- ческихъ, статистическихъ, и т. п. Они принесли бы тогда огромную пользу не только лицамъ, живущимъ въ краѣ, но и всему образованному обществу русскому, всѣмъ ученымъ изслѣдователямъ, потому что отдѣльные оттиски такихъ свѣдѣній могутъ быть разосланы въ библіотеки рус- скихъ университетовъ, въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ библіотеку Ру- мянцовскаго музея, въ книгохранилища разныхъ ученыхъ обществъ, и т. п. Тог- да былъ бы виднѣе и ярче обрисовался так- же характеръ и направленіе дѣятельности разныхъ административныхъ учреждений и не казались бы они какими-то таинствен- ными убожищами, гдѣ сидятъ чиновники и все что-то пишутъ, пишутъ, пишутъ...

Изобрѣтенія послѣдняго времени значи- тельно подвинули впередъ типографское искусство; оно удешевляется и упрощается съ каждымъ годомъ; слѣдовательно затра- та на печатаніе ни въ какомъ случаѣ не была бы затратой громадной, превышаю- щей средства администраціи.

Подписка принимается:

Въ Ташкентѣ.—въ конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪДОМОСТИ.

21го Юня

№ 21.

1871 года.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойною величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ таджиковъ округа къ остальнымъ его народностямъ:

На словахъ узбеки пренебрегаютъ таджиками, а нѣкоторые ихъ роды хвастаются тѣмъ, что они не отдаютъ своихъ дочерей замужъ за таджиковъ. Таджикъ же съ улыбкой относится къ тому, что узбеки смотрятъ на нихъ свысока и говорятъ: «узбеки безъ насъ жить не могутъ, а по тому мы ихъ держимъ въ рукахъ—они варвары, неучи, даже сами за себя думать не могутъ. Мы имъ даемъ одежду, учимъ что и съ чѣмъ лучше ѣсть, какъ прилично одѣваться, обучаемъ ихъ въ махтубъ-хана, въ медресе, даемъ имъ казіевъ, муллъ, святыхъ (*), учимъ ихъ мастерствамъ и снабжаемъ ихъ всякими товарами. Правда, въ междоусобное, военное время узбеки насъ бьютъ и грабятъ; но когда все успокоится, мы свои убытки умѣемъ вернуть. Узбекъ очень простъ,» такъ всегда почти заканчиваютъ таджикъ.

Число таджиковъ въ округѣ—свыше 38,000 душъ обоого пола.

Катга-Курганъ.

А. Г.

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(продолженіе) (*).

Въ ряду должностныхъ лицъ русской администраціи, появившихся въ край почти одновременно съ водвореніемъ въ ней русской власти, весьма видное мѣсто занимаютъ уѣздные судьи, по той дѣятельной и важной роли, которая имъ предоставлена. Они входятъ въ непосредственныя сношенія съ туземцами, касаются зачастую такихъ сторонъ ихъ жизни, которыя обыкновенно бывають скрыты отъ посторонняго наблюдателя. По этому уѣздные судьи могутъ своею полезною дѣятельностью, исподволь и незамѣтно проводить въ массу народа здравыя юридическія понятія, вытѣсняя мало по малу грубые обычаи, вѣдрившіеся въ народъ вѣками. Но конечно уѣздные судьи, въ видахъ достиженія этой цѣли, должны прежде всего серіозно приступить къ изученію народа съ юридической стороны, такъ сказать — ориентироваться и начертить себѣ хотя бы предварительный, самый общій планъ дѣйствій. Едва ли должно прибавлять, что основательное юридическое образованіе въ такомъ случаѣ составляетъ одно изъ самыхъ существенныхъ требованій; безъ него немыслима и дѣятельность уѣзднаго судьи въ томъ смыслѣ и направленіи, какъ мы ее сейчасъ опредѣлили.

До настоящаго времени еще сдѣлано весьма мало для полнаго юридическаго изученія тѣхъ народностей, которые составляютъ населеніе Туркестанскаго края. Занятые своими дѣлами, гг. уѣздные судьи исполняютъ по возможности добросовѣстно свои обязанности, разбираютъ споры и иски, не только русскихъ, но и туземцевъ, ставятъ рѣшенія, но объ изученіи народа, его юридическихъ обычаевъ — нѣтъ и помина! Точно уѣздный судья можетъ удовольствоваться только томами Свода Законовъ и съ спокойной совѣстью, игнорировать все остальное, всю жизнь туземцевъ, сложившуюся вѣками, всѣ туземные обычаи, вытекающіе изъ этой жизни, можетъ оставить безъ внимательнаго изученія понятія туземцевъ о правдѣ и справедливости, о долгѣ и обязанностяхъ, и т. п.

Если необходимо изученіе народа въ торговомъ, промышленномъ, этнографическомъ, филологическомъ и другихъ отношеніяхъ, то едва ли не еще необходимѣе изучить туземныя народности въ юридическомъ отношеніи, т. е. разъяснить и изложить, для общаго свѣдѣнія и руководства, взглядъ туземцевъ на права и обязанности.

Такое изученіе народа необходимо для разумной администраціи, не желающей однимъ ударомъ разрѣзать гордые узлы, а руководствующейся народною жизнью, народнымъ духомъ и потребностями. Изучить народъ съ юридической его стороны могутъ, и—какъ намъ кажется,—даже необходимо должны уѣздные судьи. Ихъ труды и разслѣдованія могутъ во многихъ случаяхъ служить для администраціи руководящею нитью.

При нынѣшней дѣятельности уѣздныхъ судей, прежде всего поражаетъ и бросается въ глаза полнѣйшая изолированность каждаго изъ нихъ отъ другихъ лицъ, занимающихъ въ край точно такую же должность. Явленіе это — въ высшей степени странное! Судья, напримѣръ, хотя бы Казалинскаго или Перовскаго уѣзда не знаетъ и не имѣетъ даже возможности знать: какіе случаи судебной практики встрѣчались у судьи Копальскаго или Сергіопольскаго уѣзда, предъ какими недоразумѣніями приходилось ему останавливаться, какіе народныя обычаи идутъ въ разрѣзъ съ

нашими судебными уставами, что не примѣнимо на практикѣ и какіе изъ народныхъ юридическихъ обычаевъ возможно принять при мировомъ разбирательствѣ дѣлъ, возникающихъ между туземцами. Судебныя лица и учрежденія въ Туркестанскомъ край дѣйствуютъ каждое совершенно отдѣльно, безъ общей связи, или по крайнѣй мѣрѣ эта связь не проявляется такъ живо и всецѣло, какъ бы слѣдовало. Но если такая явная и тѣсная связь не установлена въ Россіи, по многимъ причинамъ и между прочимъ потому, что судебныя лица дѣйствуютъ тамъ среди знакомаго намъ, однороднаго населенія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что ей не должно быть и въ Туркестанскомъ край, гдѣ все еще ново, не изучено, гдѣ работа должна быть прежде всего общая и дружная. Иначе, безъ взаимныхъ сообщеній результатовъ своихъ наблюденій, мы никогда не изучимъ края во всей полнотѣ; изучаютъ край отдѣльныя личности, но такое изученіе приноситъ пользу исключительно имъ однимъ.

Полагаемъ, что было бы возможно требовать отъ уѣздныхъ судей наблюденій надъ юридическими обычаями народа и изученія его быта въ этомъ отношеніи. Можно постановить правиломъ, чтобы уѣздные судьи представляли въ отчетахъ своихъ результаты своихъ наблюденій. (*) Тогда лучше уяснится характеръ и направленіе дѣятельности каждаго уѣзднаго судьи. Одинъ разъ или даже два, три раза въ годъ могутъ быть установлены сѣзды уѣздныхъ судей въ Ташкентѣ, для личнаго доклада начальнику края результатовъ своихъ наблюденій и болѣе подробнаго поясненія того, что уже изложено въ ихъ отчетахъ. На сѣздѣ судей можетъ быть также допущено совокупное обсужденіе тѣхъ мѣръ и измѣненій, которыя необходимо допустить въ судебной практикѣ, при распространеніи дѣйствій суда въ кругу туземцевъ. Засѣданія сѣзда должны быть открытыя и доступныя для всѣхъ. Главный начальникъ края, военные губернаторы областей, судебное отдѣленіе Областнаго Правленія, уѣздные начальники и вообще всѣ административныя и даже частныя лица могутъ предлагать на этомъ сѣздѣ для обсужденія юридическіе вопросы. Если вопросъ многосложенъ, то его должно предварительно, за нѣсколько недѣль до сѣзда сообщить уѣзднымъ судьямъ для обсужденія и соображеній на мѣстѣ, такъ, чтобы въ самомъ засѣданіи сѣзда уѣздные судьи уже были подготовлены къ всестороннему обсужденію этого вопроса. Протоколы засѣданій сѣзда должны непременно печататься, точно также, какъ и всѣ отдѣльныя записки, мнѣнія и заявленія, вносимыя въ сѣздъ.

При такомъ порядкѣ, при единствѣ взглядовъ, выработанныхъ на сѣздѣ, при одной общей системѣ дѣйствій, дѣло суда пойдетъ, безъ сомнѣнія, вполне успешно. Едва ли еще должно прибавлять, что уѣздный судья, не удовлетворившій требованіямъ, т. е. не желающій или неспособный изучить свой уѣздъ въ юридическомъ отношеніи, не представившій въ годовыхъ отчетахъ результаты своихъ наблюденій надъ жизнью народа и его юридическими понятіями и обычаями, — долженъ быть признанъ несоотвѣтствующимъ своему высокому назначенію.

Н. М. — въ.

Матеріалы для юридической статистики Туркестанскаго края.

Ходжентскій уѣздъ.

Движеніе слѣдственныхъ и судебныхъ дѣлъ въ 1869 и 1870 годахъ у Ходжентскаго уѣзднаго судьи было слѣдующее:

Всѣхъ вообще дѣлъ въ 1869 году рѣшено 106; изъ нихъ, въ качествѣ слѣдственныхъ, было разсмотрѣно 21 дѣло, и въ качествѣ судебныхъ—85 дѣлъ.

Въ прошломъ 1870 году дѣлъ рѣшено 226; изъ нихъ—слѣдственныхъ 71 и судебныхъ—155 дѣлъ.

1. По слѣдственнымъ дѣламъ:

Противъ имущественныхъ правъ 429 д.

Противъ нарушенія личныхъ — 499—

По первому разряду всѣхъ обвиняемыхъ было 58 человекъ; изъ нихъ: русскихъ 32 человека, туземцевъ—26.

По второму разряду обвиняемыхъ было 39 человекъ, а именно: русскихъ 8, туземцевъ—31.

Дѣлъ, по которымъ—или не было отыскано обвиняемыхъ, или которыя не были признаны преступными, было 12.

Всѣхъ же лицъ, перебивавшихъ въ камерѣ суда по вышеозначеннымъ дѣламъ, и именно: въ качествѣ обвиняемыхъ, свидѣтелей и экспертовъ, было 2201.

(*) Въ настоящемъ № «Турк. Вѣд.» мы имѣемъ возможность помѣстить весьма интересный, годовой отчетъ Ходжентскаго уѣзднаго судьи, съ нѣкоторыми объясненіями и общими выводами — результатомъ его годовой юридической практики.

Ред.

(*) Таджикъ полагаютъ, что святымъ можетъ быть только человекъ таджикской народности.

(*) См. Турк. В. № 20.

подписка принимается:

Въ Ташкентѣ.—въ конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба. д. Логинова) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Бабунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

28-го **ЮНЯ**

№ 22.

1871 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ го-

рода Имперіи и съ доставкою на

домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шриф-

томъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной

величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

НАШЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

(продолженіе) (**).

Въ Ташкентѣ въ послѣднее время учредились два ученыя общества: Туркестанскій отдѣлъ общества любителей естествознанія и Среднеазіатское общество; въ непродолжительномъ времени откроется, вѣроятно, общество сельскихъ хозяевъ и отдѣлъ Географическаго общества.

Въ теченіи зимы нынѣшняго года прочтено было 12 публичныхъ лекцій, о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, преимущественно изъ области естествознанія и земледѣнія. Изъ этого можно видѣть, что въ Ташкентѣ не спятъ, что здѣшнее общество занимаютъ также и научные вопросы. Пора бивуачной, такъ сказать, жизни, партизанскаго настроенія общества — прошла безвозвратно. Изъ массы общества, пестрой и разнородной, выдѣляется и становится особнякомъ, формируется кружками ея интеллигенція. Явленіе отрадное и которое нельзя оставить безъ вниманія.

Мы не будемъ недовѣрчиво относиться къ этому явленію, не станемъ предсказывать охлажденіе и апатію. Лучше, безъ пессимистической улыбки, примемъ фактъ такъ какъ онъ есть и признаемъ его благотворное значеніе.

Администрація края, болѣе, чѣмъ кто либо другой, можетъ радоваться возникающему умственному движенію и въ ея интересахъ поддержать его на сколько возможно. Край новый и мало извѣстный, а потому всякій шагъ къ изученію его вполне желателенъ и заслуживаетъ поддержки.

Изученіе страны распадается, естественно, на два главные отдѣла: на изученіе природы страны и — на изученіе ея населенія. Оставимъ пока въ сторонѣ второй отдѣлъ и поговоримъ о той связи, какая могла бы быть между изысканіями и изслѣдованіями нашихъ ученыхъ обществъ и административными распоряженіями, которымъ эти изысканія послужатъ руководящей нитью.

Въ трудахъ А. С. Татаринова, А. П. Федченко, въ замѣткахъ другихъ лицъ, интере-

(*) Тоже самое слѣдуетъ сказать и въ отношеніи опредѣленія количества батмановъ земли.

(**) См. Турк. В. № № 20 и 21.

сующихся краемъ, въ чтеніяхъ Туркестанскаго отдѣла общества любителей естествознанія указано было на многія изъ туземныхъ произведеній, которыя могли бы имѣть большое промышленное значеніе не только для здѣшняго края, но и для всей Россіи. Занявъ край, мы вмѣстѣ съ тѣмъ приняли на себя нравственную обязанность разработать его естественныя богатства, эксплуатировать ихъ на сколько возможно выгоднымъ образомъ; мы обязаны исполнить это уже и потому, что подобная разработка богатыхъ даровъ, которыми природа снабдила край, разольетъ благосостояніе не только между русскимъ, пришлымъ населеніемъ, но также и между туземцами. Все что мы говоримъ теперь, далеко не новость и давно уже признано всѣми, но, къ сожалѣнію, — слова такъ и остаются словами, безъ практическаго приложенія.

Существуетъ мнѣніе, что наука должна указать на то, что можетъ быть съ выгодой эксплуатировано, а затѣмъ — частныя лица имѣютъ полное право и возможность воспользоваться этими указаніями и практически осуществить ихъ. Администраціи же въ это дѣло мѣшаться не слѣдуетъ, потому что всякая административная опека заслоняетъ собою инициативу частныхъ лицъ, и слѣдовательно приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Все это такъ, если фразу: *административная опека* принимать въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ. Напримѣръ, если бы казна устроила здѣсь чугуно-плавильный, свекло-сахарный или стеклянный заводъ, устроила бы табачныя плантаціи, занялась выработкою клещевиннаго масла, добываніемъ фисташковой мастики, вывозомъ цитварнаго семени, и т. п., то, конечно, подобныя казенныя предпріятія, не принося казни никакихъ особыхъ, существенныхъ выгодъ (казенныя коммерческія предпріятія почему-то всегда бываютъ плохи), могли бы только парализовать частную предпринимчивость. Но администраціи невыгодно также совершенно отстранить себя отъ дѣла и ждать: когда-то явится сюда въ край частная предпринимчивость и частныя свободныя капиталы. Можно впередъ предсказать, что ждать придется долго и даже очень долго. Мы не американцы; изысканій о край мы не читаемъ, а если и узнаемъ случайно, что тотъ или другой родъ туземныхъ произведеній можетъ быть съ выгодною эксплуатированъ, то болѣею частью оставляемъ это совершенно безъ вниманія. И это — вовсе не вслѣдствіе апатіи, а потому, что у каждаго солиднаго капиталиста, живущаго въ Россіи, есть свое дѣло на плечахъ, дѣло требующее заботъ и постоянного вниманія. Старинная русская пословица: «не сули журавля въ небѣ» очень часто припоминается нами во всевозможныхъ случаяхъ, а Туркестанскій край, съ его естественными богатствами болѣе всего можетъ показаться русскимъ капиталистамъ «журавлемъ въ небѣ».

Чтобы выдти изъ такого невыгоднаго положенія, Туркестанскому краю необходимо самому создать частныя капиталы, создать такъ, чтобы эти капиталы были привязаны къ краю, а не были бы мимоходомъ прихотью богатаго коммерсанта, который захотѣлъ сдѣлать опытъ: бросилъ на удачу сотню тысячъ рублей, чтобы посмотреть: выдетъ ли что нибудь изъ его затѣи?

Русское населеніе Туркестанскаго края еще такъ незначительно, что здѣсь каждый на виду и не представляется большой трудности изучить характеръ, энергію, познанія того или другаго лица, на котораго можно рассчитывать, какъ на будущаго полезнаго дѣятеля въ области развитія промышленности края. А имѣя въ виду лицъ, способныхъ взять въ руки какое либо промышленное предпріятіе, можно помочь имъ при самыхъ трудныхъ, первыхъ шагахъ. Въ такомъ случаѣ это не будетъ административной опекой, а только разумной, своевременной помощью.

Опять повторимъ, что и это не новость, и что администрація готова помогать всякому полезному частному предпріятію. Помощь эта уже была оказана во многихъ случаяхъ, перечислить которыхъ въ настоящее время было бы излишне: мы говоримъ не о томъ, что уже сдѣлано для развитія промышленности въ край, а о томъ, что еще можетъ быть сдѣлано въ этомъ направленіи. А сдѣлано можетъ быть много и даже очень много. По этому и желательно было бы, чтобы административная помощь направлялась систематически именно на тѣ отрасли производствъ, которыя общающъ наиболѣе пользы для края и для его населенія. Нуженъ обдуманый планъ дѣйствій, который еще предстоитъ выработать и затѣмъ уже должно приводить въ дѣйствіе этотъ планъ упорно и неуклонно.

Административное лицо, какой бы постъ оно ни занимало, какъ бы оно ни было воодушевлено желаніемъ пользы краю, какъ бы ни были искренни его начинанія, никог-

да не въ состояніи принять на себя этотъ, по истинѣ, громаднѣйшій трудъ направленія промышленной дѣятельности въ край. Онъ можетъ быть исполненъ только коллективной работой нѣсколькихъ лицъ, преимущественно специалистовъ; отсюда не далеко уже и до мысли о необходимости особаго комитета, который бы обязанъ былъ разработать вопросъ о томъ: какъ развить именно тѣ отрасли промышленности, которыя необходимы для края или которыя принесутъ краю наибольшія выгоды.

Членами комитета могутъ быть естествоиспытатели, техники, купцы. Комитетъ долженъ также обсудить: какія изъ естественныхъ богатствъ края съ наибольшою выгодною могутъ быть эксплуатированы, въ какомъ положеніи находится туземная промышленность, что въ ней требуетъ улучшенія или поддержки и на оборотъ: какими техническими приемами можемъ мы пользоваться у туземцевъ, въ какомъ положеніи находится въ данное время промышленная дѣятельность русскаго населенія края, на кого можно указать, какъ на лицо энергичное и способное вести честно и разумно какое нибудь промышленное предпріятіе, что можно предложить такому дѣятелю, на какую отрасль промышленности можно обратить его вниманіе и наконецъ — какаго рода пособіе или гарантія отъ администраціи можетъ быть предложена такому лицу.

Въ «Комитетъ промышленности» (назовемъ его хоть этимъ именемъ) могутъ въ такомъ случаѣ обращаться съ предложеніями своей дѣятельности разныя частныя лица и комитетъ будетъ обсуждать и разсматривать ихъ заявленія. Если дѣятельность лица, предложившаго свои услуги по развитію той или другой отрасли промышленности, можетъ принести пользу краю, то комитетъ ходатайствуетъ предъ начальникомъ края за такое лицо. Наконецъ, въ случаѣ надобности, комитетъ можетъ обратиться къ образовавшимся въ Ташкентѣ ученымъ обществамъ, съ просьбою о содѣйствіи его работамъ своими изслѣдованіями или наблюденіями, будетъ просить ихъ рѣшить ту или другую задачу, откровенно сознаваясь, что не можетъ рѣшить ее самостоятельно. На такую просьбу, конечно, не будетъ отказа.

Такимъ образомъ установится живая, органическая связь между учеными обществами Ташкента, администраціей, представителемъ которой будетъ въ этомъ случаѣ «Комитетъ промышленности» и частными предпринимателями, промышленниками, готовыми приложить къ дѣлу свой личный трудъ, энергію и можетъ быть свой небольшой капиталъ, усиленный, въ случаѣ надобности, средствами администраціи.

Н. М. — въ

Замѣтка о степи Кызылъ-кумъ.

20-го мая вернулся я въ Ташкентъ изъ путешествія въ Кызылъ-кумы. Отправляясь на дняхъ опять въ путешествіе по Коканскому ханству, я долженъ отложить отчетъ объ этомъ путешествіи до осени, а теперь рѣшаюсь ограничиться настоящей краткой замѣткой.

Во время моего путешествія, продолжавшагося ровно мѣсяцъ, я посѣтилъ восточную часть степи Кызылъ-кумъ въ двухъ мѣстахъ: у Чардары и у колодца Дюсебая. Изъ Чардары я прошелъ по пескамъ въ западномъ направленіи около 50-ти верстъ до колодца Байбекъ, на дорогѣ Матай; отсюда я вышелъ въ Узунату и затѣмъ вдоль Сыръ-Дарьи спустился къ Байракуму. Изъ Байракума, идя въ Дюсебай, я посѣтилъ гору Каракъ, находящуюся въ 60-ти верстахъ отъ Сыръ-Дарьи. Гора Каракъ, — небольшая возвышенность (подымающаяся футовъ на 250 надъ уровнемъ степи), имѣющая до 40 верстъ протяженія, составляетъ довольно любопытное открытіе настоящаго путешествія; по крайней мѣрѣ я не нашелъ ее ни на одной картѣ. Такою-же неожиданностью было существованіе глинистой (попынной) степи на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи. Благодаря настоящему путешествію, впервые опредѣляется восточная граница Кызылъ-кумскихъ песковъ: линія, проведенная отъ Джулека къ колѣну Сыръ-Дарьи у Чардары, почти совпадаетъ съ границей сплошныхъ песковъ.

Стень, лежащая восточнѣе песковъ, любопытна еще въ томъ отношеніи, что въ прежнее время широкая полоса ея орошалась арыками изъ Сыръ-Дарьи. Слѣды этихъ арыковъ весьма многочисленны и сохранились вполне ясно; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе сажени ширины и до сажени высоты. Преданіе говоритъ, что арыкъ, начинавшійся у Чардары, въ озерѣ Сассыкъ-куль, подкрѣпляемый водой изъ другихъ арыковъ, выходившихъ изъ Сыръ-Дарьи, ниже Чардары, доходилъ до горы Каракъ. Конечно, ко времени существованія этихъ арыковъ относятся и развали-

Подписка принимается:

Въ Ташкентѣ.—въ конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова) и въ книжномъ магазинѣ Владиславлева.

Въ С.-Петербургѣ — въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВѢДОМОСТИ.

21го Юня

№ 21.

1871 года.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія: обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойною величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Посольство К. В. Струве въ Бухару.

Мы говорили уже, что одновременно съ г. генераль-губернаторомъ, прибылъ въ Самаркандъ также г. Струве, командиремый съ дипломатическимъ порученіемъ въ Бухару. Здѣсь К. В. Струве получилъ отъ г. генераль-губернатора должныя инструкции и письма, а 4-го мая—выѣхалъ изъ Самарканда, черезъ Шахрисябскія владѣнія въ Карши, гдѣ въ то время находился эмиръ. До Кара-тюбе г. Струве ѣхалъ съ казачьимъ конвоемъ, а оттуда—уже, подъ прикрытіемъ людей Алимъ-бія китабскаго.

Сообщаемъ въ краткомъ извлеченіи изъ писемъ К. В. Струве къ генераль-губернатору, нѣсколько подробностей о его путешествіи въ Бухару:

....«Переночевавъ въ Кара-тюбе, я въ среду, 5-го мая, около 3 часовъ по полудни прибылъ въ Китабъ. Здѣсь встрѣтили меня джигиты Алимъ-бія-датхи, которые и замѣнили бывшій при мнѣ, небольшой, казачій конвой. О встрѣчѣ, сдѣланной мнѣ въ Китабѣ, (*) нечего и говорить! Она была весьма почетна и въ то же время радушна; меня принимали уже, какъ человека знакомаго. Братъ Алимъ-бія выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу почти до самаго Кара-тюбинскаго перевала. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и сынъ Тохтамышъ-бія-инака (шаарскаго бія), застѣнчивый Султанъ-Муратбекъ-мирахуръ; здѣсь онъ мнѣ показался болѣе развязнымъ. Не доѣзжая до Китаба, въ Койнарѣ и въ Урусъ-кишлакѣ были приготовлены для меня достарханы (угощенія). Въ Китабѣ мнѣ отведена была квартира въ домѣ, занимаемомъ Алимъ-біемъ-датхою. Съ послѣднимъ я имѣлъ нѣ-

(*) Одинъ изъ главныхъ городовъ Шахрисябза. Китабъ взятъ русскими штурмомъ 13-го августа прошлаго 1870 года.

сколько весьма интересных разговоровъ, и между прочимъ, онъ мнѣ весьма картинно рассказывалъ объ отчаянномъ положеніи эмира до возвращенія ему нами г. Карши. (*) Почти всѣ приближенные эмира отшатнулись отъ него и онъ сидѣлъ въ своемъ дворцѣ, ожидая съ минуты на минуту вторженія мятежниковъ. Удачное и внезапное движеніе ген.-м. Абрамова на Карши быстро измѣнило положеніе дѣлъ и возвращеніемъ эмиру г. Карши мы подарили ему не одну крѣпость, а до 35 разныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ мѣстъ.

Въ четвергъ, утромъ я сдѣлалъ прогулку верхомъ по Китабу и по окрестностямъ этого города. Долина Шахрисабза—роскошная и вся отлично обработана. Я отчасти сожалѣю, что посѣтилъ эти мѣста не на обратномъ пути; здѣсь стоитъ прожить нѣсколько дней, чтобы изучить въ естественно-историческомъ отношеніи бекство, особливо восточную его часть.

Въ тотъ же день, вечеромъ прибылъ я въ Шааръ. Кстати, могу замѣтить, что названіе это неправильно: городъ называется *Шааръ-сабизъ*, т. е. зеленый городъ, и дѣйствительно, онъ заслуживаетъ это названіе, потому что весь погруженъ въ зелень своихъ садовъ. Китабскіе жители, по свойственной азіатцамъ лѣности, называютъ этотъ городъ сокращенно Шааръ, т. е. городъ. Такъ объясняли мнѣ въ Китабѣ, увѣряя, что и Бухара называется въ окрестныхъ кишлакахъ также Шааромъ.

О приѣмѣ, оказанномъ мнѣ Тохтамышъ-біемъ—иначе я могу и долженъ сказать, что по всему видно было желаніе выказать свою преданность русскому уполномоченному и зависимость отъ русской власти. Онъ мнѣ отвелъ лучшую часть своего дворца, а для угощеній устроилъ на главномъ дворѣ палатку въ русскомъ вкусѣ. На улицѣ, ведущей къ крѣпости, были выстроены войска. Тохтамышъ-бій представилъ мнѣ начальника здѣшнихъ войскъ Теляй-хабыль-мирахура (племени Кыркъ-юза), по видимому, весьма почетное лицо. Вечеромъ на импровизированное празднество онъ пригласилъ и всѣхъ прочихъ офицеровъ, челоѣкъ до шестидесяти. Часу въ 12-мъ ночи, во время самаго разгара праздника, прибылъ нарочный отъ эмира съ различными предписаніями шаарскому беку, относительно моей встрѣчи и угощенія. Тохтамышъ бій, показывая мнѣ это письмо, замѣтилъ, что онъ и безъ особыхъ предписаній знаетъ, какъ должно принять и угостить гостя отъ генераль-губернатора.

Въ пятницу, 7 мая, послѣ полуденной молитвы въ дворцовой мечети, было устроено угощеніе въ первомъ наружномъ дворѣ для всѣхъ почетныхъ жителей города, челоѣкъ до тридцати. Самые старшіе изъ нихъ удостоились чести быть приглашены во внутренній дворъ и для нихъ устроено было сидѣнье передъ моими окнами. Старшій изъ старшихъ, аксакалъ-улянтъ просилъ меня доложить Вашему Высокопревосходительству отъ имени всѣхъ жителей Шахрисабза, что они молятся за Государя Императора и вѣчно признательны зато, что освобождены отъ прежняго тяжелаго и тревожнаго положенія.

Я отвѣтилъ, что г. Туркестанскій генераль-губернаторъ, передавая эмиру Шахрисабзскія владѣнія, написалъ ему тогда же, чтобы онъ назначилъ шаарскимъ и китабскимъ беками людей справедливыхъ и милостивыхъ, и что сегодняшнее заявленіе жителей чрезвычайно порадуетъ генераль-губернатора.

Пребываніемъ моимъ въ Шахрисабзѣ я между прочимъ воспользовался, чтобы астрономически опредѣлить положеніе городовъ Китаба и Шаара (Шааръ-сабизъ).

8-го мая утромъ я выѣхалъ изъ Шаара въ Чиракчи и черезъ три перехода прибылъ въ Карши вечеромъ, 10-го мая. За три версты до города я былъ встрѣченъ первымъ сановникомъ здѣсь эмира Салимъ-біемъ-топчабаши, который, въ сопровожденіи *удачи*, *шегаула* и до двухъ сотъ эмировскихъ *мирахуровъ*, *есауловъ* и другихъ военныхъ офицерскихъ чиновъ, выѣхалъ встрѣтить меня и проводить до назначенной мнѣ квартиры. Привѣтствіе было самое почтительное и въ тоже время, какъ бы радостное. «Эмиръ съ нетерпѣніемъ ждетъ дорогаго гостя отъ генераль-губернатора и чрезвычайно радъ, что вы наконецъ пріѣхали,» говорилъ мнѣ Салимъ-бій.

На слѣдующій день, въ 9 часовъ утра я представился эмиру, первыя слова котораго были слова признательности Вашему Высокопревосходительству за присылку уполномоченнаго именно въ то время, когда народъ, смущенный и встревоженный ложными слухами, ожидалъ совсѣмъ другаго. Разговоръ нашъ продолжался около 1½ часовъ и при немъ присутствовалъ

только одинъ Гисаметдинъ-мирахуръ. Общее впечатлѣніе съ обѣихъ сторонъ было самое удовлетворительное. Съ видимой радостью принялъ также эмиръ предложеніе: прислать изъ Самарканда медика для его больнаго сына (*), и просилъ меня теперь же, не дожидаясь личнаго свиданія съ Тюря-Джаномъ, написать по этому дѣлу въ Самаркандъ.

Въ шесть дней моего пребыванія, я видѣлся и говорилъ съ эмиромъ три раза и съ каждымъ разомъ онъ дѣлался, по видимому, болѣе довѣрчивымъ и разговорчивымъ. У него, какъ кажется, главная теперь забота: заслужить довѣріе и ласковое вниманіе Вашего Высокопревосходительства, и черезъ Ваше посредство быть въ милости у Государя Императора. Онъ просилъ меня, по пріѣздѣ въ Ташкентъ, подробно доложить Вашему Высокопревосходительству объ искреннемъ его расположеніи и готовности исполнить всѣ Ваши желанія.

Я получилъ отъ эмира разрѣшеніе свободно разѣзжать по всему ханству и въ этомъ смыслѣ эмиромъ дано уже предписаніе кушъ-беги въ Бухаръ. Впрочемъ теперь самое неудобное время для разѣздовъ: жара становится невыносимою и въ 9-мъ часу вечера, по закатѣ солнца термометръ показываетъ еще 25 и 26° Р., а ниже 20° онъ и не спускается. Г. Карши опредѣленъ астрономически.

18-го мая я благополучно прибылъ въ Бухару, совершивъ переѣздъ отъ Карши до Бухары, около 150 верстъ, въ двое сутокъ. Менѣ одной трети всего этого пути населено, до 30 в. отъ Карши на сѣверо-западъ и около 16 в. къ юго-востоку отъ Бухары. Остальная часть дороги—голодная, безводная степь, пересѣченная между Ходжи-Мубарекомъ и Какиромъ песчаными буграми, тянущимися съ запада, отъ берега Аму-Дарьи почти прямо на востокъ, до меридіана Кермине, а можетъ быть и нѣсколько далѣе.

Скажу нѣсколько словъ о прощальной аудіенціи, которую я имѣлъ у эмира въ Карши: я отправился во дворецъ въ 7 ч. вечера съ тѣмъ, чтобы оттуда прямо выѣхать въ путь, на Бухару, а потому былъ въ дорожномъ платьѣ. У входа въ пріемный дворъ я встрѣтилъ трехъ сыновей эмира. Старшій изъ нихъ, съ которымъ я еще до этого познакомился, Сеидъ-Миръ-Абдуль-Моминъ, каршинскій бекъ, юноша лѣтъ 18, а остальные двое—моложе его, мальчики, лѣтъ 13 и 14-ти; оба они весьма миловидны и вовсе не похожи на Сеидъ-Абдулла Фатахъ-хана (Тюря-Джанъ). Средній просто поразилъ меня своимъ умнымъ и замѣчательно красивымъ лицомъ. Такъ какъ при строгости этикета бухарскаго двора случайностей быть не можетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что эта встрѣча была устроена преднамѣренно. Обмѣнявшись съ ними взаимными любезностями, и выслушавъ отъ cadaго изъ нихъ отдѣльно просьбу: передать Вашему Высокопревосходительству выраженіе ихъ преданности и добрыхъ желаній, я вошелъ въ пріемный дворъ и оттуда, не останавливаясь, поднялся по каменной лѣстницѣ въ пріемную комнату, гдѣ сидѣлъ эмиръ. Изъ всей его рѣчи ко мнѣ, тономъ которой былъ самый дружескій и откровенный, и не менѣе любезный, особенно выдались слѣдующія слова: «я хорошо понялъ», говорилъ эмиръ, «что Бѣлый Царь, великій, могущественный Государь, владѣетъ несмѣтнымъ числомъ земель и народовъ, и что только по его милости я остаюсь владѣтелемъ той небольшой земли, которою владѣли мои предки. Я и дѣти мои (при этомъ онъ указалъ на стоящихъ вдали сыновей) молимся за Государя Императора и за генераль-губернатора». Слова эти имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что были высказаны не съ глазу на глазъ, а въ присутствіи одного изъ приближенныхъ къ эмиру, мирзы Гисаметдина-мирахура.

По пріѣздѣ въ Бухару, я остановился въ саду, близъ городскихъ воротъ. Садъ этотъ принадлежитъ эмиру, и въ немъ выстроено, по его приказанію, весьма красивый, двухэтажный дворецъ, комнатъ въ 30, весьма изящно отдѣланныхъ. Садъ—также роскошный, хотя не очень большой. Версты за двѣ до этого мѣста меня встрѣтилъ сынъ кушъ-беги, молодой челоѣкъ лѣтъ 18—19, имѣющій уже чинъ токсабы и считающійся здѣсь большимъ челоѣкомъ.

Съ визитомъ къ Кушъ-беги и отправившись только на третій день послѣ моего пріѣзда, чтобы не выказать слишкомъ большой торопливости. У воротъ дворца эмира, гдѣ живетъ кушъ-беги, были выстроены войска, которыя по командѣ: «на-краулъ!» довольно неуклюже высунули впередъ свои ружья. Я слѣзъ съ лошади у самыхъ дверей, ведущихъ во внутренній дворъ. Кушъ-беги встрѣтилъ меня у дверей пріемной комнаты и тотчасъ же, послѣ обы-

(*) Карши былъ занятъ мятежнымъ сыномъ эмира, Катти-тюря; движеніе г. м. Абрамова возвратило этотъ городъ эмиру; въ 1868 году.

(*) Извлеченіе изъ письма доктора Садовскаго о болѣзни сына эмира, Тюря-Джана помѣщено въ нынѣшнемъ № нашей газеты.

наго обмѣна любезностей, просилъ позво-
ленія привести больного сына эмира, Тю-
ря-Джана. Черезъ нѣсколько минутъ при-
несли больного на носилкахъ во дворъ, а
въ комнату его ввели, или вѣрнѣе внесли,
держа подъ руки, кушъ-беги и Гиссамег-
динъ-мирахуръ. Я сначала не узналъ нес-
частливаго мальчика: до того онъ перемѣ-
нился отъ болѣзни и если бы не ласковый
привѣтъ и не знакомая намъ улыбка, то я
могъ бы сомнѣваться въ тождествѣ его
съ прежнимъ Сеидъ-Абдулла-Фатахъ-ха-
номъ. Онъ видимо обрадовался моему при-
ѣзду и съ живѣйшимъ интересомъ разспра-
шивалъ меня о Ташкентѣ. Изъ немногихъ
его словъ (онъ съ трудомъ говоритъ) я
убѣдился, что онъ съ любовью вспоми-
наетъ о пребываніи своемъ въ Таш-
кентѣ и въ Россіи, и въ особенности—
о личномъ расположеніи къ нему Вашего
Высокопревосходительства. Извѣстіе о ско-
ромъ прибытіи въ Бухару, по приказанію
Вашему, хорошаго врача, его положишель-
но тронуло, такъ что на глазахъ у него
навернулись слезы. Около четверти часа
онъ просидѣлъ съ нами, и затѣмъ былъ уве-
денъ тѣмъ же порядкомъ, съ тою только
разницею, что на этотъ разъ мѣсто Гис-
самегдина-мирахура занялъ я. При этомъ
я могъ замѣтить, что Тюря-Джанъ въ пос-
лѣдніе два года такъ вытянулся, что
сталъ выше меня ростомъ. Кушъ-беги и
его приближенные обращаются съ боль-
нымъ чрезвычайно заботливо и уже
это одно можетъ служить вѣрнѣйшимъ
опроверженіемъ тѣхъ слуховъ, которые
одно время распространились въ Таш-
кентѣ: что будто бы Тюря-Джанъ на-
ходится въ немилости у отца и оттого со-
держится въ черномъ тѣлѣ.

По уходѣ Тюря-Джана, былъ поданъ
обильный достарханъ, и мы усѣлись съ
кушъ-беги толковать о дѣлахъ. Изъ серьез-
наго разговора, продолжавшагося болѣе
двухъ часовъ, я вынесъ убѣжденіе, что
кушъ-беги человекъ умный, ловкій, хоро-
шо понимающій дѣла вообще и настоящее
положеніе Бухары относительно Россіи.
Онъ дѣйствительно пользуется неограни-
ченнымъ довѣріемъ своего государя и впол-
нѣ заслуживаетъ его своею преданностію.
Въ силу этого довѣрія, онъ положительно
играетъ первую роль послѣ эмира, и пе-
редъ нимъ стушевываются всѣ прочіе бу-
харскіе сановники. Народъ и въ особенно-
сти купечество, съ которымъ онъ имѣетъ
постоянныя сношенія, уважаетъ и любитъ
его; духовенство же къ нему не распо-
ложено и это нерасположеніе—есть обоюдное.
Весьма лестный отзывъ о кушъ-беги я
получилъ отъ г. Никитина, довѣреннаго
г.г. Быковскихъ, который мнѣ говорилъ,
что кушъ-беги въ послѣднее время въ
особенности старается всячески отстаивать
интересы нашихъ купцовъ.

21-го мая прибылъ изъ Самарканда док-
торъ Садовскій; рѣшено было сдѣлать пер-
вый визитъ Тюря-Джану на другой день,
утромъ. Въ виду весьма сомнительнаго
исхода столь запущенной, и какъ мнѣ ка-
залось, весьма тяжелой болѣзни Тюря-Джа-
на, я заранѣе объяснилъ кушъ-беги, что,
по моему мнѣнію, нельзя съ увѣренностью
расчитывать на скорое выздоровленіе, что
врачъ Садовскій—одинъ изъ лучшихъ въ
краѣ, и приложить всѣ старанія, чтобы
помочь больному, но что положительно ру-
чаться за успѣхъ леченія—нельзя. Г. Са-
довскій посѣщаетъ больного два раза въ
день.

Астрономическія наблюденія мои идутъ
весьма успѣшно; въ ночь съ 20-го на 21-е
мая мнѣ посчастливилось сдѣлать абсолют-
ное опредѣленіе долготы г. Бухары, по
прикрытію звѣзды луною. Такимъ обра-
зомъ обезпечены всѣ промежуточные опре-
дѣленія между Самаркандомъ и Бухарою.
Какъ сдѣланныя уже, такъ и предстоящія
опредѣленія будутъ расположены между
двумя фундаментальными точками и пото-
му не будутъ въ зависимости отъ срока
пребыванія хронометровъ въ Бухарѣ.